Единственная дочь

Автор:
Анна Снокстра

Единственная дочь

Анна Снокстра

Иностранный детектив

Молодая женщина, арестованная за кражу в магазине, боится назвать свое настоящее имя из-за прошлых грехов и заявляет, что она Ребекка Винтер – девушка, пропавшая одиннадцать лет назад при загадочных обстоятельствах. Самозванка поразительно похожа на Ребекку, поэтому семья принимает ее безоговорочно. Обведя вокруг пальца следователя, который занимается ее делом, лже-Ребекка погружается в жизнь настоящей Бек Винтер: спит в ее постели, общается с ее друзьями и младшими братьями. Но вскоре женщина осознает, что похититель все еще на свободе, и она в опасности…

Анна Снокстра

Единственная дочь

Copyright © 2016 by Anna Elizabeth Snoekstra «Единственная дочь»

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

Посвящается моей маме

Я всегда была хорошей актрисой: подонок видел во мне таинственную соблазнительницу, покровитель – простушку с невинными глазами. И то и другое я испробовала на охраннике – бесполезно.

А я была так близко к спасению. Двери супермаркета уже открылись, когда его широкая рука схватила меня за плечо. Главная дорога находилась всего в пятнадцати шагах. Тихая улица, обсаженная с обеих сторон уже пожелтевшими деревьями.

Его рука сжалась сильнее.

Он привел меня в свой офис. Тесная цементная коробка без окон, куда едва поместились старый шкаф-регистратор для хранения документов, стол с компьютером и принтер. Он достал из моей сумки булочку, сыр и яблоко и выложил на стол между нами. При виде этой добычи мне стало стыдно, но я старалась не отводить глаз. Он сказал, что никуда меня не отпустит, пока я не покажу ему удостоверение личности. К счастью, у меня не было с собой кошелька. Кому нужен кошелек, когда у тебя нет денег?

Я испробовала абсолютно все и расплакалась, когда репертуар иссяк. Это было не лучшее мое представление; я не могла оторвать взгляда от хлеба. Желудок сводило. Еще никогда я не испытывала такого голода.

Я слышу, как он разговаривает с полицией за запертой дверью. Смотрю на пробковую доску над столом. На ней прикреплен график дежурств охранников вместе с памяткой по операциям с кредитками, на которой внизу нарисован смайлик, и несколько фотографий с корпоратива.

Я никогда не хотела работать в супермаркете. Я вообще никогда не хотела работать в каком-то конкретном месте, но неожиданно мне стало завидно до боли.

– Простите, что беспокою вас по такому пустяку. Эта маленькая дрянь отказывается предъявлять удостоверение личности.

Интересно, знает ли он, что я все слышу.

– Хорошо, сейчас разберемся, – отвечает другой голос.

Дверь открывается, и в комнату входят двое полицейских. Женщина и мужчина, оба примерно моего возраста. Женщина собрала темные волосы в симпатичный хвостик. Парень бледный и худой. Сразу видно, что говнюк. Они садятся с другой стороны стола.

– Меня зовут констебль Томпсон, а это констебль Сирс. Насколько мы понимаем, тебя поймали на воровстве в этом магазине, – говорит мужчина-полицейский, даже не пытаясь скрыть скуку в голосе.

– Нет, вообще-то не так, – возражаю я, стараясь подражать своей благовоспитанной мачехе. – Я направлялась к кассе, когда он схватил меня. У этого мужчины проблемы с женщинами.

Они с сомнением смотрят на меня, окидывая взглядом грязную одежду и сальные волосы. Интересно, пахнет ли от меня. Мое опухшее лицо в синяках тоже свидетельствует не в мою пользу. Наверное, из-за него-то меня и схватили в первую очередь.

– Он оскорблял меня, когда привел сюда, – я понижаю голос, – называл дрянью и шлюхой. Омерзительно. Мой отец – адвокат, и он подаст иск о неправомерных действиях, когда я расскажу ему, что здесь произошло сегодня.

Они переглядываются, и я тут же понимаю, что они не купились на это. Нужно было плакать.

– Послушай, милая, все будет хорошо. Просто назови нам свое имя и адрес. Вечером ты уже будешь дома, – говорит женщина-полицейский.

Она моего возраста, но обращается ко мне, как к ребенку.

– Другой вариант – мы сейчас тебя оформим и отвезем в участок. Тебе придется ждать в камере, пока мы не выясним, кто ты такая. Будет намного проще, если ты назовешь нам свое имя.

Они пытаются запугать меня, и это работает, но совсем по другой причине. Как только у них окажутся мои отпечатки, им потребуется не много времени, чтобы установить мою личность. И они выяснят, что я сделала.

– Мне так хотелось есть, – бормочу я, и мой голос дрожит по-настоящему.

Все решает этот взгляд – нечто среднее между жалостью и отвращением. Словно я ничто, просто еще одна бездомная, с которой им приходится возиться. Воспоминания медленно проявляются в моем сознании, и я понимаю, что точно знаю, как выпутаться из этой ситуации.

Сила того, что я собираюсь сказать, огромна. Она обжигает мое тело, как глоток водки, снимает напряжение в горле и посылает покалывание в кончики пальцев. Я больше не чувствую себя беспомощной; я знаю, что могу справиться с этим. Перевожу взгляд сначала на нее, потом на него, наслаждаясь моментом. Смотрю внимательно, чтобы запечатлеть мгновение, когда их лица изменятся.

– Меня зовут Ребекка Винтер. Одиннадцать лет назад меня похитили.

1

2014 год

Я сижу в кабинете для допроса, плотно укутавшись в свою куртку. Здесь холодно. Я жду почти час, но не волнуюсь. Представляю, какой переполох стоит по другую сторону зеркала. Они, наверное, звонят в отдел по розыску пропавших без вести, рассматривают фотографии Ребекки и скрупулезно сравнивают ее со мной. Этого должно быть достаточно, чтобы убедить их; сходство поразительное.

Я увидела это несколько месяцев назад, лежа в теплых объятиях Питера. С похмелья я обычно становилась плаксивой и до вечера пряталась у себя в комнате, слушая грустную музыку. С ним было по-другому. Мы просыпались в полдень и весь день сидели на диване, ели пиццу и курили, пока нам не становилось лучше. Это было в то время, когда я думала, что деньги родителей

не имеют значения и все, что мне нужно, – только любовь.

Мы смотрели какое-то тупое шоу под названием «В розыске». Там рассказывали о череде страшных преступлений в доме для престарелых «Голден-Вэлли» в Мельбурне, и я принялась искать пульт управления. Расчлененные старушки наверняка испортят настроение. Я как раз собиралась переключить канал, когда началась следующая история и на экране появилась женская фотография. С моим носом, моими глазами, моими медными волосами. Даже с моими веснушками.

– Ребекка Винтер закончила вечернюю смену в «Макдоналдсе» в Мануке, южном районе Канберры, 17 января 2003 года, – говорил мужской драматичный голос за кадром, – но пропала где-то между автобусной остановкой и домом, с тех пор ее больше не видели.

– Черт побери, это ты? – спросил Питер.

Появились родители девушки, они сказали, что их дочь числится без вести пропавшей уже более десяти лет, но у них все еще есть надежда. Казалось, мать вот-вот расплачется. Еще одна фотография: Ребекка Винтер в ярко-зеленом платье обнимает одной рукой белокурую девушку-подростка. Одно нелепое мгновение я пыталась вспомнить, было ли у меня когда-то такое платье.

Семейный портрет: родители на тридцать лет моложе, два улыбающихся брата и Ребекка в центре. Идиллия. Не хватает только белого штакетника на заднем плане.

– Твою мать, думаешь, это твоя сестра-близнец, с которой тебя разлучили давным-давно, или как?

– Ага, конечно!

Мы начали шутить о грязных фантазиях Питера с участием близнецов, и вскоре он забыл о фотографии. В голове у Питера ничего долго не задерживается.

Я пытаюсь вспомнить все детали того шоу. Она из Канберры, подросток, пропала в возрасте пятнадцати или шестнадцати лет. В каком-то смысле мне повезло,

что одна сторона моего лица припухла и в синяках. Это скрывает едва заметные различия между нами. К тому моменту, когда синяки сойдут, я уже буду здорова и далеко отсюда. Мне только нужно выиграть время, чтобы выбраться из участка и доехать до аэропорта. Размышляю, что буду делать потом. Позвоню отцу? Я не разговаривала с ним с тех пор, как сбежала. Пару раз снимала трубку телефона-автомата, даже набирала номер его мобильного. Но затем в голове отдавался металлический стук провалившейся в прорезь монеты, и я клала трубку. Он все равно не захочет говорить со мной.

Дверь открывается, в комнату заглядывает женщина-полицейский и улыбается мне:

– Осталось совсем недолго. Принести тебе что-нибудь поесть?

– Да, пожалуйста.

Легкое смущение в ее голосе, она смотрит на меня и потом быстро отводит глаза.

Они попались.

Она приносит мне картонную коробку с горячей лапшой из соседней забегаловки. Лапша вся в масле и немного разваренная, но еще никогда я так не наслаждалась едой. Наконец в комнату заходит следователь. Кладет папку на стол и выдвигает стул. Он выглядит грубо, с толстой шеей и маленькими глазками. По тому, как он садится, я могу определить, что мой единственный шанс – это сыграть на его самолюбии. Он словно пытается занять как можно больше места, рука лежит на спинке соседнего стула, ноги широко расставлены. Он улыбается через стол.

– Я сожалею, что все так долго.

– Ничего, – тихо отвечаю я, широко раскрыв глаза. Я немного поворачиваю лицо, чтобы он видел профиль с синяками.

– Скоро мы отвезем тебя в больницу, хорошо?

– Я не ранена. Я просто хочу домой.

– Так положено. Мы звонили твоим родителям, но пока никто не отвечает.

Представляю, как телефон трезвонит в пустой квартире Ребекки Винтер. Вероятно, это к лучшему; родители только все усложнят. Следователь принимает мое молчание за разочарование.

– Не беспокойся, я уверен, мы скоро свяжемся с ними. Они должны приехать сюда и подтвердить твою личность. Потом вы сможете вместе отправиться домой.

Только этого не хватало – чтобы меня уличили в обмане перед толпой копов. Уверенность начинает меня покидать. Нужно срочно что-то предпринять.

Я бормочу себе в колени:

– Больше всего хочу вернуться домой.

– Я знаю. Осталось недолго, – говорит он утешающим голосом, словно гладит по голове. – Понравилось? – кивает на пустую коробку из-под лапши.

– Очень вкусно. Вообще, все очень милы со мной, – отвечаю я, продолжая разыгрывать робкую жертву.

Он открывает желтую папку. Это дело Ребекки Винтер. Пришло время допроса. Мои глаза сканируют первую страницу.

– Назови свое имя.

– Ребекка. – Я опускаю глаза.

– И где же ты была все это время, Ребекка? – спрашивает он, наклоняясь, чтобы расслышать ответ.

– Я не знаю, – шепчу я. – Мне было очень страшно.

– Там был кто-то еще? С тобой?

– Нет. Только я.

Он наклоняется ближе, пока его лицо не оказывается в нескольких сантиметрах от моего.

– Вы спасли меня, – говорю я, глядя ему прямо в глаза. – Спасибо.

Я вижу, как его плечи расправляются. Канберра в каких-то трех часах езды. Мне просто нужно чуть поднажать. Сейчас, когда почувствовал себя важной птицей, он не сможет сказать нет. Это мой единственный шанс выбраться отсюда.

– Пожалуйста, отпустите меня домой?

– Нам действительно нужно допросить тебя и отвезти в больницу для осмотра. Это важно.

– Мы можем сделать это в Канберре?

Я начинаю плакать. Мужчины ненавидят, когда женщины плачут. Они почему-то чувствуют себя неловко.

– Скоро тебя отвезут в Канберру, но сначала нам нужно соблюсти процедуру, хорошо?

– Но вы ведь босс здесь, верно? Если вы скажете, что я могу идти, они должны послушаться вас. Я просто хочу увидеть свою маму.

– Ладно, – отвечает он, поднимаясь со стула. – Не плачь. Посмотрим, что я могу сделать.

Он возвращается и сообщает, что все уладил. Меня отвезут в Канберру те двое полицейских, а потом мною займется следователь, который вел дело Ребекки Винтер. Я киваю и улыбаюсь, глядя на него, как на своего нового героя.

Я никогда не доберусь до Канберры. С аэропортом было бы проще, но я уверена, что все равно смогу как-нибудь от них улизнуть. Теперь, когда они считают меня жертвой, это будет не сложно.

Когда мы выходим из кабинета для допроса, все поворачиваются, чтобы взглянуть на меня. Одна женщина прижимает телефонную трубку к уху.

– Она здесь. Я сейчас спрошу. – Она прикладывает трубку к груди и смотрит на следователя. – Это миссис Винтер – мы наконец-то связались с ней. Она хочет поговорить с Ребеккой. Можно?

– Конечно, – отвечает следователь, улыбаясь мне.

Женщина протягивает мне трубку. Я оглядываюсь по сторонам. Все склонили голову, но я знаю, что они слушают. Я беру телефон и прикладываю к уху.

– Алло?

– Бекки, это ты?

Я открываю рот – нужно что-то сказать, но я не знаю что. Она продолжает:

– О, милая, слава богу. Поверить не могу. С тобой все хорошо? Они говорят, что ты цела и невредима, но я не верю. Я так тебя люблю. Ты в порядке?

– Со мной все хорошо.

– Оставайся на месте. Мы с отцом заберем тебя.

Черт.

– Мы как раз выезжаем, – почти шепчу я. Не хочу, чтобы она заметила, что у меня чужой голос.

– Нет, пожалуйста, никуда не уходи. Оставайся там, где ты в безопасности.

– Так я быстрее доберусь. Все уже улажено.

Я слышу, как она сглатывает, тяжело и громко.

– Мы доберемся очень быстро. – Ее голос звучит сдавленно.

– Мне нужно идти, – говорю я. Потом, глядя на все эти навостренные уши, добавляю: – Пока, мам.

Я возвращаю телефон и слышу, как она всхлипывает.

Последний отблеск солнечных лучей погас, и небо стало тускло-серого цвета. Мы едем около часа, и разговор иссяк. Я чувствую, что у копов язык чешется спросить, где я находилась все это время, но они сдерживаются.

И это настоящее везенье, потому что они наверняка лучше меня представляют, где Ребекка Винтер могла провести последнее десятилетие.

По радио тихо мурлычет Пол Келли. Капли дождя стучат по крыше автомобиля и скатываются по оконным стеклам. Меня клонит в сон.

– Может, включить печку? – спрашивает Томсон, оглядывая мою куртку.

– Я в порядке, – отвечаю я.

Дело в том, что я не могу снять куртку, хотя мне становится жарко. У меня родимое пятно чуть ниже локтя. Кофейного цвета, размером с монету в двадцать центов. В детстве я его ненавидела. Моя мама всегда говорила, что так выглядит след от поцелуя ангела. Это одно из моих немногих воспоминаний о ней. Взрослея, я даже начала любить его, может, потому, что оно напоминало мне о ней, а может, потому, что было частью меня. Но пятно не было частью Бек. Сомневаюсь, что кто-то из этих идиотов настолько внимательно просмотрел документы по делу пропавшей девушки, чтобы заметить нет в пункте родимые пятна, но рисковать не стоило.

Я пытаюсь заставить себя спланировать побег. Но вместо этого думаю о матери Ребекки. Как она сказала мне «Я люблю тебя». Не так, как мой отец говорил это

на людях или когда старался заставить меня слушаться. Ее слова были такими настоящими, глубокими, словно шли из глубины души. Эта женщина, навстречу которой мы мчимся, действительно любит меня. Или ту, за которую меня принимает. Интересно, что она сейчас делает. Звонит друзьям, чтобы рассказать новость, готовит для меня постельное белье, спешит в супермаркет за едой, беспокоится, что не сможет заснуть, потому что так взволнованна? Представляю, что случится, когда они позвонят ей и сообщат, что потеряли меня по дороге. Этих двоих полицейских, вероятно, ждут проблемы. Тут я не возражаю, но что будет с ней? Как же свежезастланная постель, которая ждет меня? Еда в холодильнике. Вся эта любовь. Все пропадет даром.

– Мне нужно в туалет, – говорю я, заметив указатель площадки для отдыха.

– Хорошо, милая. Уверена, что не хочешь подождать до автозаправки?

– Нет. – Мне надоело быть вежливой с ними.

Машина сворачивает на грязную дорогу и останавливается перед кирпичным туалетом. Рядом стоят старый гриль и два столика для пикника, а за ними – сплошной бушленд[1 - Бушленд – пространства, покрытые кустарником.]. Если я хорошо стартую, то им меня здесь не найти.

Женщина-полицейский отстегивает ремень безопасности.

– Я не ребенок. Сама могу отлить, спасибо.

Я выхожу из машины, громко захлопнув за собой дверь и не дожидаясь возражений. Капли дождя падают мне на лицо, охлаждая разгоряченную кожу. Приятно находиться не в этой душной машине. Прежде чем войти в кирпичную постройку, я оглядываюсь. Фары светятся в дожде, за работающими дворниками я вижу, как копы разговаривают и ерзают на сиденьях.

Туалеты омерзительны. На бетонном полу лужи, в них маленькими айсбергами плавают комки смятой туалетной бумаги. Здесь пахнет пивом и блевотиной. Рядом с унитазом стоит бутылка из-под «Карлтон Дрот»[2 - «Карлтон Дрот» – популярное в Австралии пиво.], дождь барабанит по жестяной крыше. Представляю, как проведу ночь под дождем, скрываясь от полиции. Мне придется идти, пока я не доберусь до города, но что потом? Скоро я опять

проголодаюсь, но у меня по-прежнему нет денег. Последняя неделя была самой ужасной в моей жизни. Мне приходилось знакомиться с мужчинами в барах, просто чтобы было где переночевать, а в одну ночь, самую ужасную, я пряталась в общественном туалете в парке. Казалось, что ночь никогда не закончится, что солнце уже никогда не взойдет. Тот туалет немного напоминал эту постройку.

Я поддаюсь секундной слабости и представляю альтернативный вариант: теплая постель, полный желудок и поцелуй в лоб. Этого достаточно.

Бутылка легко разбивается об унитаз. Я подбираю большой осколок. Сидя на корточках в кабине, зажимаю руку между коленей. Понимаю, что начинаю дрожать, но сейчас не время проявлять малодушие. Еще минута – и коп придет проверить меня. Я надавливаю на коричневое пятно, пытаясь соскоблить его. Боль ужасная. Крови больше, чем я ожидала, но я не останавливаюсь. Кожа слезает, как кожура с картофеля.

Подкладка куртки прилипает к открытой ране, когда я снова натягиваю рукав. Я выбрасываю окровавленную улику в мусорное ведро и смываю кровь с рук. Перед глазами все расплывается, масляная лапша бурлит в желудке. Я хватаюсь за раковину и глубоко дышу. Я могу это сделать.

Хлопает дверца машины, потом раздаются шаги.

– Ты в порядке? – спрашивает женщина-полицейский.

– Меня немного укачивает в машине, – отвечаю я, проверяя, нет ли на раковине пятен крови.

– О, милая, мы почти доехали. Просто попроси остановиться, когда тебе станет плохо.

Дождь усилился, и небо стало густого черного цвета. Но ледяной воздух помогает побороть тошноту. Я залезаю на заднее сиденье и здоровой рукой захлопываю за собой дверь. Мы выезжаем на автостраду. Я держу пульсирующую руку повыше, на уровне подголовников, потому что боюсь, что кровь начнет стекать по запястью; голову прислоняю к окну. Я больше не

чувствую тошноты, одну лишь эйфорию. Ровный, монотонный шум дождя, мягкие звуки радио и тепло салона практически усыпляют меня.

Не знаю, сколько мы так едем в тишине, когда они начинают говорить.

– Думаю, она спит. – Мужской голос.

Я слышу скрип кожаного сиденья, когда женщина поворачивается, чтобы взглянуть на меня.

– Похоже на то. Наверное, нелегко быть такой сучкой.

– Где, ты думаешь, она была все это время?

– Мое мнение? Сбежала с каким-нибудь мужиком, возможно, даже вышла за него замуж. Потом она ему надоела, и он ее бортанул. Предполагаю, он был богат. Кстати, она на всех смотрит свысока.

– Она говорит, что ее похитили.

– Знаю. Однако ведет себя иначе, разве нет?

– Да уж.

– К тому же она в достаточно хорошей форме. Если ее похитили, то похититель неплохо к ней относился. Это все, что я хочу сказать. А ты что думаешь?

– Честно говоря, мне плевать, – отвечает Томпсон. – Но думаю, нам выразят благодарность.

– Я не знаю. Разве она не должна быть в больнице? Мог ли придурок просто отпустить ее, когда она щелкнула пальцами?

– А что там по протоколу? Что нужно делать, когда дети пропадают, а когда возвращаются?

– Хрен его знает. Наверное, у меня в тот день было похмелье.

Они смеются, затем в машине снова наступает молчание.

– Знаешь, я весь день голову ломала, кого она мне напоминает, – неожиданно говорит женщина. – Меня только что осенило. У нас в старших классах была одна девчонка, она сказала всем, что у нее рак мозга, и неделю не ходила в школу якобы из-за операции. Несколько учеников начали собирать для нее деньги. Мне кажется, мы все думали, что она умрет. В понедельник она вернулась целая и невредимая и на несколько часов стала самой популярной девочкой в школе. Потом кто-то заметил, что у нее совсем не сбриты волосы, ни на дюйм. Вся история оказалась полной чушью от начала и до конца.

Та девчонка смотрела на нас, прямо как наша маленькая принцесса, когда мы только встретились с ней. То, как она разглядывает тебя, изучает с холодным блеском в глазах, словно ее мозг работает на миллион оборотов в минуту, выбирая лучший способ трахнуться с тобой.

Через какое-то время я перестаю прислушиваться к их разговору. Я вспоминаю, что мне придется говорить со следователем, когда я доберусь до Канберры, но сейчас у меня слишком кружится голова, чтобы планировать свои ответы. Машина съежает с главной дороги.

Я просыпаюсь от резкого торможения, в салоне зажигается свет, когда женщина-полицейский открывает свою дверь.

– Просыпайся, юная леди, – говорит она.

Я пытаюсь сесть, но мои мышцы словно сделаны из желе.

Раздается незнакомый голос.

– Вы, должно быть, констебли Сирс и Томпсон. Я старший инспектор Андополис. Спасибо, что согласились поработать сверхурочно и привезли ее сюда.

– Не беспокойтесь, сэр.

– Нам лучше начать. Я знаю, что ее мать вне себя от счастья, но у меня к девушке много вопросов.

Я слышу, как он открывает дверь с моей стороны.

– Ребекка, ты не представляешь, как мы рады видеть тебя, – говорит он. Затем садится на корточки передо мной. – Ты в порядке?

Я пытаюсь взглянуть на него, но его лицо расплывается.

– Да, я в порядке, – бормочу я.

– Почему она такая бледная? – резко спрашивает он. – Что случилось?

– С ней все хорошо. Ее просто укачивает в машине, – отвечает женщина-полицейский.

– Звоните в скорую! – рявкает на нее Андополис, протягивая руку и расстегивая мой ремень безопасности. – Ребекка? Ты меня слышишь? Что произошло?

– Я поранила руку во время побега, – слышу я свой собственный голос. – Все в порядке, только немного болит.

Он отводит в сторону полу куртки. Повсюду, до самой ключицы, засохшая кровь. При виде этого мне становится еще хуже.

– Да вы недоумки! Хреновы идиоты! – Сейчас его голос звучит уже издалека. Я не вижу реакции копов, их побледневшие лица. Но могу себе представить.

Я улыбаюсь и постепенно теряю сознание.

2

Бек, 10 января 2003 года

Несколько месяцев назад Бек решила жить так, как будто за ней наблюдают. На случай, если за углом прячется киносъемочная группа или ее зеркало двустороннее. Это означало всегда прикрывать рот рукой, когда зеваешь, и не давить прыщи на носу в туалете. Она хотела всегда выглядеть так, как должна выглядеть счастливая симпатичная шестнадцатилетняя девушка.

Но это покалывание в затылке было другим. Ей казалось, что кто-то на самом деле следит за ней. Ощущение преследовало ее уже несколько дней, но каждый раз, когда она оборачивалась, за спиной никого не оказывалось. Возможно, она просто сходит с ума.

Ужасно, если твои самые жуткие опасения оправдаются и все вокруг будут считать тебя сумасшедшей. Их сосед, Макс, раньше кричал по ночам. Ее мама говорила, что он просто ругается с кем-то по телефону, но она подсмотрела через занавески, когда однажды он разбудил ее в четыре утра, как Макс кричал просто в темноту, где никого не было. Несколько недель спустя он швырнул камень в их кухонное окно. В ту ночь отец куда-то позвонил, и Макса забрали. Когда он вернулся, больше уже не кричал. Он просто сидел на крыльце, уставившись перед собой, и постепенно толстел.

А что лучше: все время бояться или вообще ничего не чувствовать? Она еще не решила.

Солнце палило на нее сверху через молочную пелену облаков. Наверное, она обгорит, если пробудет здесь дольше. Но ей нравился этот свой образ – лежащей на спине в бассейне у Лиззи. Зеленое бикини, раскинутые в стороны веснушчатые руки, пупок, наполняющийся водой при каждом вздохе. Интересно, на нее сейчас кто-нибудь смотрит? Спальни отца и брата Лиззи выходили окнами на бассейн. За последний год она несколько раз замечала, что они пялятся на нее. Наверное, это должно возмутить ее, но не возмущало.

Звук шлепающих по бетонным плитам ног, затянувший момент тишины, а потом поверхность воды взорвалась, когда Лиззи «бомбочкой» плюхнулась в бассейн. Она вынырнула, глупо хихикая, мокрые волосы прилипли к лицу.

– Почти попала!

– Ты такая идиотка! – Бек засмеялась, пытаясь снова погрузиться под воду. Лиззи схватила ее за талию, и они начали бороться, визжа и фыркая, переплетаясь скользкими руками и ногами. Бек резко окунула Лиззи, и та вынырнула, захлебываясь и плюясь.

– Перемирие?

Лиззи подняла вверх мизинец, все еще кашляя. Они сцепились мизинцами и потрясли руками, и Бек быстро отплыла в сторону, пока Лиззи не передумала. Бек оперлась о кафельный бортик бассейна, чтобы отдышаться. Ей хотелось, чтобы это был ее дом, а Лиззи – сестрой, хотя они выглядели совсем по-разному. Бек тощая с относительно плоской грудью, а тело Лиззи все такое мягкое и округлое в правильных местах. Иногда Лиззи красила губы красной помадой, и Бекки думала, что ее лучшая подруга очень похожа на Мэрилин Монро, но никогда ей этого не говорила.

– Ой, у меня опять голова закружилась. – Капли воды застыли на ресницах Лиззи, и она уставилась на Бек.

– Сама виновата. – Бек опустила голову на руку. Ее похмелье отступало. Головокружение прошло, и желудок начал успокаиваться.

– Здорово было вчера вечером, да? – Нехорошая улыбка появилась на губах Бек, когда она произнесла это. Лиззи даже не знает самого интересного.

– Нам так повезло. – Лиззи вздохнула и оттолкнулась от края бассейна. – Тебе лучше пойти. Тебе же от Элен попадет.

– Черт! Который час? – Бек подтянулась на руках и вылезла из бассейна, раскаленный бетон обжигал подошвы, пока она вприпрыжку бежала в гостиную. Она схватила свой мобильник с кухонной скамьи. Сейчас полтретьего; она успеет, только если поторопится. На экране значок эсэмэс. От него. «Только что проснулся. Вечера с тобой самые чудесные».

Бек была рада, что Лиззи не видела глупой улыбки, с какой она бежала вверх по лестнице, чтобы забрать свою рабочую одежду. Сообщение прокручивалось в ее голове снова и снова. Это просто означает, что она ему нравится. Сейчас она была в этом уверена. На лестничной площадке она налетела на брата Лиззи,

Джека. Дверь в его комнату была открыта, и оттуда доносились долбящие звуки металлической музыки. Он инстинктивно выставил вперед руку; его теплая ладонь коснулась ее поясницы. На долю секунды они были так близко, что практически обнимались; Бек чувствовала его дыхание, его запах. Джек отдернул РУку.

– Извини!

Он смущенно уставился в пол, лицо залилось краской. Бек вдруг поняла, что практически голая, и, взвизгнув, со смехом побежала в комнату Лиззи. Стянула бикини, бросила мокрый зеленый комок на ковер и надела свою рабочую униформу. Одежда воняла фритюрным жиром и липла к ее влажной коже. Если бы у нее было время принять душ и вымыть голову. Обычно Бек никуда не выходила, не выпрямив волосы. Она схватила косметичку, нанесла консилер, затем плотную основу, румяна, подкрасила тушью ресницы. Ей нравилась жидкая подводка для глаз, но в спешке легко промахнуться. Однажды она уже пришла в школу, как панда, и больше не хотела повторять тот опыт. Надевая на ходу балетки, она подхватила сумку и спустилась по лестнице, перепрыгивая через две ступени.

– Увидимся, сучка! – крикнула она Лиззи, которая из бассейна показала ей средний палец.

Ворота захлопнулись за ней, а она уже торопилась вниз по улице. Сейчас 2:43. Должна успеть. Она замедлила шаг. Слишком жарко, чтобы бежать. Воздух казался тяжелым, он словно прижимал ее к дороге. Проклятое лето. Изо дня в день температура за сорок. Она провела пальцами по волосам; почти высохли. Только бы не начали завиваться.

В воскресенье у него выходной. Если бы он все равно пришел, они могли бы сравнить похмелье, обсудить события вчерашнего вечера и посмеяться. Большие пальцы забегали по клавиатуре телефона: «На пути на работу. Если бы ты был рядом:)». Она перечитывала ответ снова и снова, не была уверена.

Она не хотела слишком открываться, хотя прочитала в одном журнале, что открытость – это хорошо. Им нужно дать чувство уверенности, чтобы они начали действовать. Смайлик она все-таки стерла; решила, это слишком по-детски. Ее палец в нерешительности застыл над иконкой «отправить», сердце колотилось.

Она закрыла глаза и заставила себя нажать на нее. На ее лице снова появилась интимная улыбочка, и Бек стало интересно, догадывается ли о чем-нибудь Лиззи. Ей нравилось хранить это в секрете. Это казалось опасным, словно она играла с огнем.

Неожиданно на ум пришел другой секрет. Воспоминание о нем было как раскаленный докрасна металл, такое же обжигающее и беспощадное. Она попыталась задвинуть его обратно; лучше об этом не думать.

Эвкалиптовые листья захрустели у нее под ногами, когда она свернула за угол на главную улицу. От едкого запаха паленого эвкалипта начали слезиться глаза. Листья были сухими и черными по краям, словно они сгорели от жары. На секунду Бек показалось, что ее сейчас стошнит, если последнее вчерашнее пиво все-таки решит выйти наружу. Она остановилась и ухватилась за ветку, чтобы сохранить равновесие, зажмурилась.

Вчера вечером было весело; это стоило того, чтобы немного помучиться сегодня. Лучшие вечеринки всегда спонтанные. Она закрывала кафе. Подметала полы и мыла фритюрницу, зажав нос двумя пальцами. Мэтти занимался грилем. Его толстые пальцы были черными от жира. Она не понимала, почему он никогда не надевает перчаток. Раньше она немного побаивалась Мэтти из-за его массивного телосложения и татуировок на руках, но потом поняла, что это один из самых добродушных и милых парней, какие ей только встречались. Скорее плюшевый мишка, чем байкер.

– После смены я встречаюсь с Эллен и Люком в пабе. Хочешь со мной?

– А Лиззи мы тоже сможем провести?

Он сказал да, но она пошла бы в любом случае.

Впятером они играли в бильярд, Мэтти и Люк по очереди покупали ей пиво. Она ненавидела пиво, но не хотела просить сидр; ей очень нравилось быть наравне с парнями. В пабе было темно и пахло мускусом. Когда она открыла дверь в туалет, увидела в зеркале собственные расширенные зрачки, до того как они успели отреагировать на яркий флуоресцентный свет. Бек поправила макияж, сожалея, что не взяла с собой что-нибудь переодеться. Но она не позволит этому обстоятельству испортить вечер.

Бек старалась не пялиться на Люка. Но ей хотелось, чтобы он подошел к ней, чтобы был ближе. В конце концов она вылетела из игры, и он сделал то же самое.

– Как дела, дружище? – Она обожала, когда он обращался с ней вот так, на равных. Больше всего она ненавидела, когда к ней относились, как к маленькой девочке.

Он сидел рядом, и Бек чувствовала тепло, исходящее от его тела. Они отпускали грязные шуточки, наблюдая, как другие играют; Бек оживлялась, когда ей удавалось рассмешить его. Он делился с ней своими секретами. Она слушала. Мечтала о поцелуе. Но он не поцеловал. Правда однажды взял ее ладонь и сжал, пристально глядя ей в глаза. Ему не нужно было ничего говорить; она догадывалась, о чем он думает. Она слишком юная. Как-то раз, когда они работали в вечернюю смену, он сказал, что у его друга есть правило. Можно встречаться с теми, кто моложе тебя в два раза плюс семь лет. Младше – уже неправильно.

– Так когда тебе исполнится семнадцать? – спросил он как будто в шутку. Тогда оставалось три месяца. Сейчас только один. Ей просто нужно потерпеть.

Тональная основа начала растекаться. Бек заставила себя немного ускориться. В «Макдоналдсе» есть кондиционер. Правда, в «Макдрайве» это не особо поможет. Она скрестила пальцы, чтобы сегодня ее направили на основную кассу. И тут оно снова появилось, это ощущение покалывания. Бек обернулась. Позади никого не было. Улица выглядела необычно пустой. Все прятались в кондиционируемых помещениях. Бек ускорила шаг, затылок по-прежнему покалывало.

Когда после работы она вышла из автобуса, небо было черным, воздух по-прежнему тяжелым и душным. В ее районе всегда тихо, когда она поздно возвращается с работы домой. А вот если прогуляться ночью в окрестностях дома Лиззи, то можно почувствовать, как улицы дышат – повсюду светящиеся фонари, окна нараспашку, люди смеются, музыка играет. Из открытых дверей с москитными сетками гостеприимно пахнет горячим ужином.

В районе у Бек все плотно задергивают шторы, так что по краям виднеется только голубое свечение от телевизоров.

Она не могла дождаться, когда окажется дома, откроет входную дверь в прохладный холл. Ее семья наверняка сидит перед телевизором, смеется над каким-нибудь тупым ситкомом. Скорее бы испытать чувство комфорта, принадлежности к семье и безопасности. Чувство дома.

По крайней мере, она об этом мечтала. Но тогда это должна быть чья-то другая семья. Не ее.

Поднимаясь по холму на свою улицу, она почувствовала боль в мышцах. Это была длинная смена. Эллен на нее рассердилась; она все-таки опоздала на десять минут. Взглянув на свое отражение в нержавеющей стали, увидела потекший макияж и вьющиеся волосы. Сделать ничего было нельзя. Сидя в окне «Макдрайва», она чувствовала, как горят предплечья; она даже не нанесла солнцезащитный крем.

Медленно подкрадывалось ощущение, что день Страшного суда уже наступил. Это когда от усталости кажется, что все идет не так. Она старалась не думать о Люке. Иначе начнет разбирать их разговоры; переживать. Осознает, что она ему вовсе не нравится, что она была такой дурой и все смеялись над ней.

Она медленно приближалась к своему дому. Стояла кромешная тьма. Ни в одном окне не горел свет.

3

2014 год

Светодиодная трубка вспыхивает белым светом на густо-черном фоне. Я снова закрываю глаза. Слишком ярко. Мое горло пересохло, в голове пульсирует боль. Со стоном я тру глаза. Что-то задевает мою щеку. Моргая, чтобы сфокусировать взгляд, я смотрю на запястье. На нем висит пластиковый больничный браслет с надписью жирным шрифтом: Винтер, Ребекка. Неуверенно оглядываясь по сторонам, я замечаю вчерашнего полицейского, который спит на стуле перед кроватью.

О господи. Это будет намного труднее, чем я думала.

Когда я стояла в том темном туалете, холод, страх и усталость казались большим из двух зол. Но сейчас, очнувшись в больничной кровати, с сонным полицейским, блокирующим дверь, я понимаю, что, наверное, совершила ошибку. По глупости я решила, что просто смогу начать новую жизнь, что это будет так легко.

В комнате тихо. Слышны только сопение полицейского и приглушенный разговор где-то в соседней палате. Справа от меня окно. Возможно, у меня получится.

Я приподнимаюсь и сажусь в кровати, как можно тише. Моя рука перевязана и пахнет антисептиком, но почти не болит. Видимо, благодаря содержимому капельницы, присоединенной к моей кисти. Взглянув вниз, я замечаю, что на мне одна лишь тонкая больничная рубашка и нижнее белье. Кто-то раздел меня. Я чуть было не рассмеялась – сколько раз я просыпалась в чужой постели без одежды?

Полицейский громко всхрапывает и будит сам себя.

– Бек, – говорит он, протирая глаза и улыбаясь.

Я смотрю на него. Прошмыгнуть в ту дверь уже не получится.

– Ты меня помнишь? Я Винсент Андополис. – Он внимательно смотрит на меня. Все происходит слишком быстро. Я понятия не имею, что ему ответить.

– Смутно. – Мой голос все еще хриплый: спросонья и из-за обезболивающих. Лучше ничего не усложнять, пока я не выясню, что же, черт побери, мне делать.

Разумеется, я помню его. Это следователь, занимающийся пропавшими без вести, который назвал обоих моих полицейских-шоферов «недоумками». Мне не удалось как следует рассмотреть его вчера; в холодном, стерильном больничном свете он выглядит по-другому. Серые глаза и широкие плечи намекают на привлекательного мужчину, каким он когда-то был, но под рубашкой торчит внушительный живот, а волосы основательно поседели.

– Вы провели здесь всю ночь? – спрашиваю я.

– Не мог же я допустить, чтобы ты снова исчезла. Твоя мама готова судиться с нами, – говорит он, криво улыбаясь. – Как ты себя чувствуешь? – Он кивает на мою руку.

– В порядке, – отвечаю я, хотя она болезненно пульсирует, потом замечаю небольшую стопку вещей на стуле рядом. Он следит за моим взглядом.

– Твои родители беседуют с моим коллегой. – Он прочищает горло. – Нам еще нужно закончить пару процедур, прежде чем вы сможете воссоединиться.

На стуле лежат аккуратно сложенные пижамные штаны, футболка и нижнее белье, сверху расческа.

– Они уже были здесь? – Наверняка нет.

– Они не могли до конца поверить, пока не увидели тебя.

У меня кружится голова. Они были в палате. Смотрели, как я сплю. И все равно верят, что я их дочь. Наверное, синяк на моем лице подействовал и на них тоже. Самое серьезное препятствие преодолено, а я даже не приходила в сознание. Я не могу сдержать улыбку. Андополис улыбается в ответ.

– Должен сказать тебе правду, Бек. Я невероятно счастлив видеть тебя. Это настоящее чудо.

Чудо. Какой идиот. Как этот парень может быть следователем и заниматься розыском без вести пропавших? Паника, охватившая меня несколько секунд назад, отступает. Возможно, все получится.

– Это чудо, – повторяю я, расплываясь в притворной улыбке.

Он ничего не говорит, только пялится на меня. Наверное, думает, что это какой-то особый для меня момент.

– Когда я смогу выйти отсюда? – спрашиваю я.

– Возможно, к вечеру. Мы только должны уладить кое-какие формальности, и ты можешь ехать домой.

– Какие, например?

– Ну, у нас есть к тебе несколько вопросов. Потом тебя еще обследуют, чтобы убедиться, что ты здорова.

Я стараюсь не подавать виду. Я в полной жопе.

Он достает из кармана записную книжку.

– Согласно информации, которую я получил от полиции Нового Южного Уэльса, ты утверждаешь, что тебя похитили.

Я киваю. Чем меньше я скажу, тем лучше, по крайней мере, пока не выясню, что мне, черт возьми, делать.

– Ты знала человека или людей, которые тебя похитили? Я имею в виду, до похищения. – Я вижу нетерпение в его глазах.

Мотаю головой.

– Ты помнишь, где тебя держали? Любые детали, которые могли бы помочь.

– Все как в тумане. Я плохо помню, – медленно произношу я.

Он спокойно смотрит на меня, как будто ожидает, что я скажу больше. Молчание затягивается.

В конце концов он отводит глаза, захлопывает блокнот и кладет его обратно в карман.

– Я дам тебе немного времени прийти в себя, и мы продолжим после того, как тебя обследуют.

– И потом я смогу пойти домой?

Он фиксирует мой взгляд, словно ждет чего-то.

– Больше всего ты хочешь вернуться домой? – спрашивает он наконец.

– Да, конечно.

Я пытаюсь убедительно улыбаться, и спустя несколько мгновений на его губы возвращается кривая ухмылка.

– Медсестра скоро подойдет.

Дверь закрывается за ним со щелчком, и я вскакиваю с постели. Голова кружится, но я не обращаю на это внимания. Таща за собой капельницу, я сначала подхожу к окну. Это просто стеклянная панель, плотно запечатанная со всех сторон, открыть никак не получится. Наверное, здесь боятся, чтобы пациенты не спрыгнули вниз; три этажа все-таки опасная высота. На входе наблюдается активное движение. Доктора и медперсонал заходят в здание; больные ковыляют наружу. Множество машин и такси и карет скорой помощи. Даже если я надену одежду, которую оставили родители Ребекки, выйти отсюда будет непросто.

Я возвращаюсь к стулу и поднимаю розовую футболку и пижамные штаны с кошечками. Похоже, я примерно одного роста и веса с Ребеккой. Одежда вроде подходит. Повезло. Я беру расческу. Между зубчиков зацепились блестящие медные волосы.

Когда в палату заходит медсестра, я уже лежу в постели, невинная, как овечка. Если мне удастся пройти через это, то я получу новую идентичность. Награда в этой игре слишком велика, чтобы сейчас сдаться.

Я сжимаю кулаки, пока доктор ощупывает меня. Он прошелся по всему моему телу сверху вниз, обследуя его на предмет повреждений. Он уже на уроне лобка и громко говорит оттуда.

– Сейчас будет немного холодно.

– Может чуть-чуть потянуть.

– Почти закончили.

Я лежу с оскорбленным выражением, но на самом деле давно привыкла, что мужчины вслепую шарят там внизу.

– Спасибо, Ребекка. Ты молодчина, – говорит он. – Можешь подниматься.

Выходя, он задергивает за собой занавеску, как будто у меня осталась какая-то стыдливость. Я натягиваю нижнее белье, прислушиваясь к его разговору с медсестрой.

– Приготовьте все для мазка на анализ митохондриальной ДНК. Нам также понадобится три пробирки и шприц.

Это вряд ли. Я ни за что не позволю им взять у себя ДНК-материал или кровь, и не только потому, что они выяснят, что я не Ребекка Винтер. А потому, что они могут узнать, кто я на самом деле. Занавеску отдергивают в сторону.

– Готова, Ребекка? – спрашивает доктор.

Медсестра встречается со мной взглядом, потом быстро отводит глаза.

– Я хочу домой.

Опускаю голову так, чтобы волосы закрывали лицо. Я готовлюсь.

– Знаю, все это немного навязчиво, но мы почти закончили. Нам нужно только взять у тебя мазок с внутренней стороны щеки и кровь.

– Пожалуйста, больше не нужно боли. Я не могу. – Мой голос идеален, на грани истерики.

Между пальцами я держу комок спутанных медных волосков с ее расчески. Я дергаю себя за волосы, правда только для вида.

– Это подойдет? Большего я не вынесу. – Протягиваю руку с ее волосами, свисающими с ладони. Не поднимаю глаз, но слышу, как медсестра чуть слышно ахает.

Затем я начинаю плакать. По-настоящему реветь, как маленький ребенок. Всхлипывая и захлебываясь. Вздрагивая всем телом. Главное начать, потом уже несложно; в последние недели мне приходилось много плакать. Медсестра делает шаг вперед, латексными перчатками осторожно берет волосы у меня из ладони.

Проще простого.

Машина поднимается по крутому склону улицы, на которой жила Ребекка Винтер, и наконец я их вижу: пара среднего возраста и абсолютно ординарного вида. Мои новые мама и папа. Их спины напряжены, головы опущены. Они стоят в строгой тишине перед своим большим белым домом. Старое эвкалиптовое дерево рядом с гаражом бросает узорчатую тень на фасад. Идеальный пригород среднего класса ждет меня.

Мама вскидывает голову, когда слышит шум подъезжающей машины. Мое сердце колотится сильнее. Что, если в больнице мне просто крупно повезло? Без сознания, с синяками на лице – возможно, они увидели то, что хотели увидеть. Теперь, когда мои глаза открыты, когда я двигаюсь, хожу и говорю, мне уже не удастся провести ее. Я чувствую, как Андополис метнул на меня взгляд в зеркало заднего вида. Она поймет обман в тот самый момент, как посмотрит на меня. Не важно, сколько времени прошло. Мать обязательно узнает свою единственную дочь.

– Обычно мы привлекаем психолога для подобных встреч, – говорит он. – Но твои родители не захотели.

Киваю. Я слишком нервничаю, чтобы оценить это, хотя все определенно упрощается. Убедить родителей и так будет настоящим подвигом. Не хватало только какого-нибудь слезливого либерала с улыбкой на самодовольном лице,

пытающегося «помочь». Они наверняка знают, как жертвы обычно ведут себя в подобных ситуациях.

– Скоро тебе придется побеседовать со следователем, хорошо, Бек? Но мы не будем спешить.

Я слабо улыбаюсь ему. Ни за что не стану беседовать ни с каким следователем.

Мы заворачиваем на подъездную дорожку. На мгновение мне хочется остаться здесь подольше; спрятаться на заднем сиденье машины и никуда не выходить. Андополис вылезает из автомобиля и идет к моей двери, открывает ее для меня. Сейчас, когда вижу их, я уже не уверена, что смогу это сделать. Ребекка – Бек – была человеком, а не просто персонажем, и я никогда с ней не встречалась. Я даже не слышала ее голоса.

Я не могу заставить себя взглянуть на мать, когда выхожу из машины. Мое лицо опущено, взгляд прикован к белой герани, цветущей вдоль дорожки.

– Бекки? – обращается она ко мне, подходя ближе. Нерешительно касается моей руки, словно боится, что я окажусь миражом.

Я поднимаю глаза. Я должна. Она смотрит на меня в упор. В ее взгляде столько неистовой любви, весь мир вокруг нас словно исчезает. Есть только она и я; все остальное не важно. Она прижимает меня к себе, и я слышу, как ее сердце стучит на уровне моих ребер, ее тепло смешивается с моим. От нее пахнет ванилью.

– Спасибо, Винс, – говорит мой отец через ее плечо.

– Был счастлив помочь, – отвечает Андополис. – Привезите ее часам к трем.

– Увидимся, дружище.

Я слышу, как открывается дверь и Андополис садится в машину. Потом заводит мотор и уезжает прочь. Мама выпускает меня из объятий, и отец оглядывает меня с головы до ног. Это настоящий «белый воротничок», в костюме и рубашке с расстегнутыми верхними пуговицами, с темными глазами и чисто выбритым

лицом. Он оделся как на работу, хотя знал, что никуда сегодня не пойдет; он все еще в шоке, что взял выходной из-за возвращения своей давно пропавшей дочери.

– Я не знаю, что сказать, Бекки.

Он прижимает меня к груди. Объятие немного неловкое, не похожее на мамино. Я чувствую запах его одеколона после бритья, а под ним – странный трупный запах.

Мама поворачивается и открывает входную дверь. Мне кажется, я вижу, как она вытирает слезы.

– Заходи в дом, Бек.

Ее голос срывается, и я понимаю, что тест пройден. Меня приняли. Это мой дом, моя жизнь.

С этого момента я – Ребекка Винтер.

Я уже забыла, какое это наслаждение – принять горячий душ. Как приятно вымыть волосы и побрить ноги, – хотя мне и приходится делать это, держа раненую руку так, чтобы на нее не попадала вода. Я заворачиваюсь в полотенце и радостно дышу паром. Прими я другое решение, мерзла бы сейчас неизвестно где, одна, в грязной, влажной от дождя одежде. От этой мысли меня передергивает.

Выйдя из ванной комнаты, я понимаю, что не знаю, где спальня Ребекки. Я открываю соседнюю с ванной дверь. Это стенной шкаф, в котором лежит аккуратно сложенное белье. Медленно открываю дверь напротив, надеясь, что на кухне меня не слышно. Это спальня: голые стены и никакой мебели за исключением двух односпальных кроватей. Неужели моя комната? Есть еще одна дверь, и я решаю проверить ее, мягко ступаю по ковру, чтобы мои шаги не услышали внизу.

Постеры Destiny’s Child и Гвен Стефани смотрят на меня со стен. Кровать заправлена розовыми простынями. Рядом на тумбочке сидит капустная кукла[3 - «Капустные куклы», или «малыши с капустной грядки» (Cabbage Patch doll) – мягконабивные куклы с виниловой головой, появились в США в 1978 г.]. На столе стопка учебников за десятый класс, на полке чуть выше аккуратно расставлены первые четыре книги из серии «Гарри Поттер», и повсюду фотографии. Вот и она сама – улыбается, позирует в обнимку с разными друзьями, но чаще всего с какой-то девушкой с длинными светлыми волосами. В этой комнате время словно замерло, ожидая возвращения своей шестнадцатилетней хозяйки.

Я всматриваюсь в ее снимки, придерживая полотенце, обернутое вокруг обнаженного тела, вода капает с волос на ковер. Даже на фотографиях видны жизнелюбие и энергичность этой девушки. Она выглядит уверенно и непринужденно. Разглядывая ее лицо со всех ракурсов, я понимаю, что она похожа на меня чуть меньше, чем я думала сначала. Нос у нее аккуратнее, глаза больше – даже форма лица немного другая. Правда, за десять лет лицо может сильно измениться. Я могу свалить все различия на время.

Время еще одна проблема. Складывая цифры в голове, я осознаю, что Бек сейчас должно быть около двадцати семи. А мне только двадцать четыре. Впервые я надеюсь, что выгляжу старше своего возраста.

Я толкаю реечную дверь стенного шкафа. Внутри аккуратно развешана ее одежда, но воздух затхлый. Эту дверь давно не открывали. При виде школьной формы Бек, висящей передо мной, мне становится не по себе, начинает немного подташнивать, и я быстро хватаю первые попавшиеся джинсы и футболку и закрываю шкаф. Все лучше, чем эти пижамные штаны с котятами, от такой мимимишности меня вот-вот вырвет. Вещи вполне подходят, но они все равно подростковые. Странно, когда в двадцать пять лет на тебе надеты тинейджеровские джинсы с низкой посадкой и топ марки Guess. Ткань соприкасается с моей кожей, и я ощущаю незнакомый мускусный запах. По всей видимости, это запах ее тела, который въелся в хлопчатобумажную футболку. Холодок пробегает у меня вниз по позвоночнику.

Мать и отец сидят на двухместном диване в гостиной, перед каждым лежит нетронутый сэндвич, и третий – перед одним из пустых стульев напротив. Я сажусь и замечаю, что в другом кресле свернулась клубком кошка. Я всегда мечтала о домашнем питомце.

– Мы решили, что пообедаем сегодня дома, чтобы ты чувствовала себя максимально комфортно, – говорит мама.

– Отлично, спасибо! – отвечаю я, не совсем понимая, что она имеет в виду. Знай я о Ребекке чуть больше, у меня было бы более ясное представление, каким человеком она была. Но я ничего не знаю и выбираю роль, которая понравится любому родителю: роль образцовой дочери. Я буду исполнительной, благодарной и наивной. Откусываю от сэндвича и вновь понимаю, насколько я голодна.

– Так вкусно. Спасибо, мама.

– Ну конечно, милая. – Она широко улыбается. Работает.

– Я разговаривал вчера с Полом и Эндрю, – говорит отец.

– Правда? – С помощью таких вопросов достаточно легко поддерживать беседу, когда понятия не имеешь, о чем говорит собеседник.

– Да. Они прилетят сегодня вечером.

Я оглядываю комнату. На стенах висят фотографии в рамках: два идентичных веснушчатых малыша улыбаются, между ними гордо стоит Бек. Мальчики растут, достают ей уже до плеча, а потом внезапно остаются на снимках вдвоем – улыбки уже не такие широкие – сначала в подростковой одежде, потом со щетиной на резких подбородках и в костюмах. По всей видимости, это ее братья.

– Жду не дождусь встречи с ними, – отвечаю я.

– Хорошо. – Он улыбается и откусывает от своего сэндвича.

– Наверняка ты хочешь позвонить Лиззи, – говорит мама.

Я киваю, засовывая остатки сэндвича в рот. Я не знаю, кто такая Лиззи.

– Только не звони никому, кто может связаться со СМИ. Нам это сейчас ни к чему, – предостерегает отец.

– Ты правда считаешь, что кто-нибудь так поступит? – наивно спрашиваю я.

– Никогда не знаешь, милая.

Да любой бы так поступил, но это не важно. Я буду по возможности избегать старых друзей Ребекки. Хоть бы не запутаться в том, что я уже наврала. Я пальцем собираю крошки с тарелки. Я бы съела еще один сэндвич, но не хочется просить. Поднимаю глаза и вижу, что они оба уставились на меня. Я вспоминаю слова полицейских в машине: что я веду себя не как жертва похищения.

– Я так счастлива, что снова дома, в безопасности, – говорю я.

На этих словах мама начинает плакать, ее грудь содрогается от мучительных гортанных рыданий, руки, как щит, закрывают лицо. Проходит немало времени, прежде чем она успокаивается.

Когда мы заходим в полицейский участок, я спрашиваю родителей, пойдут ли они со мной в кабинет. Я крепко сжимаю мамину ладонь; мама нужна мне там, чтобы отвечать на вопросы. Эти люди обучены выявлять ложь; как бы хорошо я ни прикидывалась, это их работа – видеть меня насквозь.

– Если хочешь, мы можем спросить, – говорит мама, делая шаг вперед.

Отец удерживает ее за руку:

– Думаю, Винс захочет поговорить с тобой наедине, Бек. Но мы будем ждать тебя прямо здесь.

Мама делает шаг назад и смотрит вниз, ее глаза все еще красные и припухшие.

Полицейский в униформе провожает меня в кабинет. Футболка Ребекки начинает казаться тесноватой и слишком облегающей.

Мужчина в новехоньком костюме поднимается мне навстречу с протянутой рукой.

– Ребекка Винтер? – спрашивает он.

Я киваю, и он энергично пожимает мне руку.

– Я следователь Вэли Малик, напарник Винса.

– Бек! – восклицает Андополис, приближаясь к нам с папкой под мышкой. – Ты выглядишь гораздо лучше.

Он никогда не упоминал напарника.

– Спасибо, – отвечаю я.

– Пройдем со мной, – говорит Малик, поворачиваясь на каблуках своих идеально отполированных ботинок.

Я плетусь за ними обоими и украдкой заглядываю в комнату слева. Внутри висит большая доска, сплошь покрытая записками и заметками, которые я не могу разобрать отсюда. К ней прикреплена карта, большая фотография улыбающейся в камеру Ребекки и увеличенный снимок разбитого сотового телефона в траве. За большим столом сидят несколько мужчин, и один из них поднимает на меня глаза, когда я прохожу мимо. Андополис кладет широкую ладонь мне на поясницу и мягко подталкивает вперед. Он ободряюще улыбается.

– Вот сюда, – говорит он, придерживая для меня дверь справа.

Я ожидаю увидеть еще одну бетонную коробку, как в Сиднее. Но вместо этого меня заводят в солнечную комнату с диванчиками, миниатюрным столиком и пластиковым ящиком с игрушками в углу. Как в Сиднее, одну из стен занимает большое зеркало. Интересно, будут ли полицейские, мимо которых я только что прошла, наблюдать за мной. Малик жестом показывает на один из диванчиков. Когда я сажусь, тот скрипит.

– Что тебе предложить, Ребекка? Чай, кофе?

– Ничего не нужно, – отказываюсь я. – Спасибо.

– Ну и как это – вернуться домой? – спрашивает Андополис, присаживаясь на диван напротив меня.

– Чудесно.

Малик садится на стул слева от меня, открывает папку.

– Очень рад это слышать, – говорит он и улыбается.

– Пришли результаты твоих анализов, все в порядке, – говорит Малик, листая какие-то документы в папке.

Победа. Даже самой не верится, что я это провернула. Но борзеть сейчас нельзя. Я должна сконцентрироваться на этом новом уровне игры.

Несколько мгновений я изучаю их. Малик как минимум на пятнадцать лет моложе Андополиса. Подтянутая фигура и безупречный внешний вид. Рядом с ним Андополис выглядит старым и помятым.

– Когда я проснулась сегодня утром, вас не было в палате, – говорю я Малику.

– Не было. Я разговаривал с твоими родителями. – Он снова улыбается своей быстрой деловитой улыбкой и продолжает: – Я счастлив, что ты вернулась в семью, Ребекка, но нам необходимо сфокусироваться на расследовании. Чем дольше мы его затягиваем, тем менее вероятно, что получим ответы.

Он прав. Я не хочу, чтобы они получили ответы; мне нужно как-то задержать их. Снова появляются записные книжки. Дин-дон. Второй раунд. В больнице я превзошла саму себя, так что надеюсь, и сейчас получится. Потом все будет только проще.

– Ты можешь описать место, где тебя держали? – спрашивает Малик сразу в лоб.

– Я не очень… – Делаю паузу для большего эффекта. – Я не очень видела, что находилось снаружи. Это могло быть где угодно. Простите.

– Ничего страшного, Бек. Не напрягайся. А как ты думаешь, сколько времени прошло после твоего побега, прежде чем ты попала в полицию? Полиция задержала тебя в Сиднее, поэтому предположительно тебя держали где-то поблизости, – спрашивает Андополис.

Я думаю о той последней ночи в дешевом хостеле в Кингс-Кросс[4 - Кингс-Кросс – квартал в Сиднее, известный как район красных фонарей с публичными домами, секс-шопами, стриптиз-клубами.]. Это было всего неделю назад, а кажется, что гораздо раньше. Я пересчитывала деньги на матрасе, зная, что их не хватит и что утром придется выехать. Помню, что пыталась заснуть. За окном кричали женщины, бились бутылки, матерились мужчины. Я знала, что завтра тоже буду с ними на улице.

– Нет. Не очень. Простите.

Здесь странно пахнет, как в больнице. Наверное, игрушки нужно дезинфицировать после каждого ребенка. Я смотрю на маленький стульчик и столик и представляю, как Андополис подсаживается туда к какому-нибудь малышу и просит на кукле показать, какому насилию он подвергался.

– Я знаю, это тяжело, но ты должна рассказать нам все, что помнишь, – продолжает Малик.

Я набираю воздуха, готовясь рассказать им то, что они жаждут услышать. Я все продумала: пыточные камеры, мужчины в масках, все до мелочей. Они клюнут, и я пошлю их искать вчерашний день по всей Австралии. Но только я собираюсь начать, как перед глазами всплывает фотография из следственного кабинета. Ребекка Винтер, молодая и счастливая. Неужели я желаю ей такой страшной судьбы? Я смотрю куда-то между обращенных ко мне в ожидании лиц. Какая же я дура. Что бы я ни сказала, это никак не повлияет на то, что на самом деле с ней случилось. Глупо даже думать об этом. Сейчас это уже моя жизнь, не ее. И нужно распорядиться ею с умом. Конечно, как только я расскажу им свою историю, они начнут копаться в ней и найдут слабые места. Чем меньше, тем лучше. Умнее всего вообще ничего не рассказывать.

– В этом-то и проблема, – спокойно отвечаю я. – Я ничего не помню.

– Ничего? – Малик пытается скрыть разочарование, но я слышу по его голосу.

– Как насчет недавних событий? Ты помнишь, кто тебя ударил? Отчего этот синяк? – спрашивает Андополис, разглядывая поврежденную сторону лица.

Я опускаю глаза, как будто мне стыдно. История и правда конфузная. Я убегала от торговца фруктами. Стащила два яблока, бросилась наутек, потом споткнулась и упала на бордюр. Никто меня не трогал.

– Нет.

– А что с рукой? – мягко продолжает Андополис. – Ты сказала, что повредила ее при побеге. Помнишь, как это случилось?

– Да. Нет. Я забыла.

– Значит, ты помнишь, как сбежала? – спрашивает Малик.

Я делаю вдох. Собираюсь выдать им кое-что.

– Я помню, что разбила оконное стекло, – говорю я, вспоминая, как вдребезги разлетелась бутылка в туалете. Меня передергивает от воспоминания, они это замечают.

– Моя рука зацепилась, но я не останавливалась. Я только помню, что у меня было мало времени.

– Почему у тебя было мало времени? – тут же подхватывает Малик.

«Потому что я знала, что женщина-полицейский снаружи собирается войти и проверить, как я там». Интересно, можно спросить, не потеряла ли она работу, но так, чтобы не показаться злорадной. Наверное, лучше не надо.

Сейчас хочется нажать на кнопку «Пауза». Выйти покурить и обдумать, как лучше поступить в этой ситуации. Я рассчитывала только на одного следователя, а когда их двое, с обеих сторон, это пугает. В следующий момент у меня вырывается вопрос, прежде чем я успеваю подумать.

– Сколько вы меня искали? – спрашиваю я. Чувствую себя увереннее, когда сама задаю вопросы.

Малик смотрит на Андополиса. Наверное, тогда он еще не был следователем, так, желторотый юнец в форме.

– Расследование продолжалось долго. Мы искали повсюду, – медленно отвечает Андополис.

Теперь я начинаю понимать его напряженность во взгляде. Наверное, у него много животрепещущих вопросов ко мне.

– Вы кого-то подозревали? – спрашиваю я.

– Нас заинтересовало несколько человек.

– Кто?

– Почему бы нам не начать с начала? – перебивает Малик. – Что последнее ты помнишь? До похищения.

Он снова переводит внимание на меня. Я мысленно возвращаюсь к тому телевизионному шоу.

– Я была на работе, в «Макдоналдсе». Потом все расплывается.

Андополис самодовольно ухмыляется. Правильный ответ. Он кладет папку на стол между нами и открывает ее. Внутри разложены снимки, похоже, фотографии персонала – пять разных людей по пояс, все улыбаются и одеты в униформу «Макдоналдса».

– Ты помнишь этих людей? – спрашивает он.

– Да, – отвечаю я. – Конечно. Но… вы знаете. Прошло много времени. – Мое сердце колотится, футболка врезается под мышками, я потею. Это похоже на тест.

– Ты помнишь ее? – Он указывает на молодую девушку. Она очень симпатичная, даже в этой уродливой униформе. Светлые волосы собраны в хвост, глаза сияют. Я понимаю, что знаю ее; она была почти на всех фотографиях в комнате Ребекки.

– Она была моей лучшей подругой, – говорю я и вспоминаю слова отца. – Лиззи.

– А другие? – спрашивает Малик. Значит, тут я тоже попала.

– Я помню Лиззи. Остальные… Я помню их всех… – Стараюсь выглядеть расстроенной. – Ненавижу, когда в голове туман.

– Ничего страшного, Бек. Мы не будем торопиться. – Голос Андополиса звучит утешающе. – Эти люди последними видели тебя перед исчезновением. Вот Эллен Парк. Она была твоим менеджером.

На вид ей двадцать пять или около того, во взгляде преждевременная тревога.

– Это Лукас Маскони. – Он тычет в красавчика лет двадцати.

– И Мэтью Ланг. Он был поваром. – Здоровенный мускулистый парень с кучей серебряных сережек в ухе. – Ты помнишь его?

– Немного, – говорю я.

– Что-нибудь конкретное? – напирает Малик. Должно быть, этот Мэтью был под подозрением. Полиция наверняка выбрала его из-за сомнительной внешности.

– Нет, – отвечаю я слишком резко.

Я смотрю вниз на свои ладони и заставляю себя дышать глубоко и ровно. Нужно что-то сделать; я и так уже вышла из образа. Я могу быть только жертвой и

никем другим, даже на мгновение.

– Так когда вы сдались и прекратили поиски? – снова спрашиваю я.

Андополис поднимает на меня глаза, по его лицу скользит мрачная тень.

– Мы не сдались. Просто расследование заглохло, – продолжает он, отводя взгляд, и я догадываюсь, что он чувствует: вину. – Мы проработали все версии. Ты понимаешь?

– Да.

Снова чувство вины, хотя он и пытается это скрыть.

– Давайте постараемся сконцентрироваться на том дне, – предлагает Малик. – Мы говорили о твоей последней смене в «Макдоналдсе».

Нужно избавиться от Малика. Я вижу, что он хороший следователь, но, похоже, без особого личного отношения. Он просто воспринимает это дело как свою работу, а я ее важная составляющая. Но это все.

– Вообще-то я не откажусь от чашки чая. Если можно, – спокойно говорю я, глядя на Малика.

– О’кей, – отвечает он. – Одну минуту.

Как только за ним захлопывается дверь, я наклоняюсь вперед.

– Он мне не нравится! – в панике шепчу я.

– Почему? – удивляется Андополис.

– Он пугает меня. Я чувствую себя неуютно, когда он здесь. Можно, чтобы остались только вы?

Грудь Андополиса раздувается. Идиот. Он тоже недолюбливает Малика; возможно даже, не хотел делиться своим делом с каким-то молодым карьеристом.

– Вам я доверяю, – добавляю я. – Пожалуйста.

– Посмотрим, что я могу сделать.

Он поднимается с дивана и выходит из комнаты. Мне очень любопытно, какой разговор они сейчас ведут по ту сторону зеркала. Я запрещаю себе смотреть туда.

Через несколько минут Андополис возвращается с чашкой чая и едва уловимой торжествующей улыбкой в уголках губ.

– О’кей, Бек, с этого момента буду только я.

– Спасибо! – восклицаю я.

– Все в порядке. – Он ставит чай на маленький столик рядом со мной. – Если ты вдруг расстроишься или почувствуешь себя неуютно, скажи мне. Я постараюсь сделать все, чтобы это исправить. Договорились?

– Договорились, – отвечаю я и невинно смотрю на него. Он думает, мы на одной стороне.

– Отлично. Теперь, когда ты готова, нам действительно очень нужно поговорить о той ночи. Ночи, когда тебя похитили. Любая деталь, которую ты вспомнишь, поможет найти того, кто это сделал.

Он обращается со мной, как с хрупким ребенком, того-то мне и нужно.

– Я кое-что помню, – говорю я.

– Что? – спрашивает он.

Я смотрю перед собой и считаю в уме до десяти, пока комната не погружается в вязкую тягостную тишину.

– Мне было холодно и страшно, – произношу я, досчитав до десяти. – Все вокруг было черным.

Я говорю медленно, усиливая напряжение.

– Помню звук сирен. Они все ближе и ближе. Я думала, что спасена. Но они проезжают мимо. Становятся тише. Я поняла, что это не ко мне.

Я поднимаю глаза – его лицо искажено виной и стыдом. Он попался.

– Я устала. И хочу к родителям.

Когда отец везет нас домой, меня ужасно клонит в сон на заднем сиденье. Я действительно очень устала.

– Вы не против, если я вздремну, пока они не приехали? – спрашиваю я. Имена братьев уже вылетели из головы.

– Конечно. Ты наверняка без сил.

Лежа на простынях Ребекки, я задумываюсь, меняли ли их вообще. Или это то же самое постельное белье, на котором она лежала одиннадцать лет назад, тем утром, когда вышла из дома и больше не вернулась. Наверняка поменяли.

Вскоре я слышу стук входной двери и два мужских голоса. Должно быть, это ее братья. Они ожидают, что я спущусь и поздороваюсь с ними, но даже мысль о том, чтобы снова подняться, кажется мне невозможной. Моя рука пульсирует. Повязка затянута слишком туго. Я решаю, что встану через минуту. Пусть мама посвятит их во все детали, о потере памяти и руке.

Переворачиваясь на другой бок, я вдруг понимаю, что мне плевать, меняли постельное белье Ребекки или нет. Простыни теплые и шелковисто-мягкие на ощупь. Иметь собственную кровать в больнице было хорошо, но сейчас просто

фантастика. Новое ощущение безопасности и комфорта делает прошедшую неделю какой-то нереальной, словно это был ночной кошмар.

Когда я просыпаюсь, уже смеркается. Я даже не помню, как заснула. С трудом вылезаю из постели, во рту отвратительный привкус, расчесываю волосы пальцами и открываю дверь спальни. Рано или поздно мне придется встретиться с ними, и чем дольше я это оттягиваю, тем сложнее будет. Спускаясь по лестнице, я замечаю, что в доме необычно тихо, но повсюду включен свет. Сначала я даже думаю, что они куда-то вышли, но вряд ли меня оставили одну вот так сразу.

Я различаю какое-то движение справа от меня. Поворачиваюсь в ту сторону, и передо мной открывается кухня. Вот они где. Мама, отец и два брата сидят за круглым кухонным столом. Перед каждым стоит грязная тарелка. Видимо, они только что поужинали. Они не разговаривают и даже не смотрят друг на друга.

На секунду я застываю в нерешительности на пороге, жду, что они пошевелятся, заметят мое присутствие, но этого не происходит. Они сидят в тишине, с прямой спиной, но пустым взглядом и опущенной головой. Наверное, для них это тоже был непростой день. Однако в этом идеальном образе семьи есть что-то странное, нездоровое. Но у меня сейчас проблемы посерьезнее, поэтому я не обращаю внимания и вхожу к ним.

4

Бек, 11 января 2003 года

Был уже почти час ночи, когда Бек наконец-то закрыла дверь своей спальни, нырнула в постель и выключила свет. Она слишком устала, чтобы двигаться быстро. Стоя в душе почти двадцать минут, она отмывала жир с рук и пыталась избавиться от запаха горелого мяса, который застрял в ноздрях. Приняв наконец горизонтальное положение, застонала от удовольствия и облегчения. Хлопчатобумажные простыни казались такими чистыми и мягкими. Она собиралась объявить Эллен, что больше не хочет работать до закрытия.

Дополнительная часовая оплата не стоит того, чтобы умирать от этой боли и усталости.

Сейчас она была не в состоянии думать: ее голова слишком медленно работала. Завтра все равно выходной; тогда и решит. Целый день можно делать все что угодно. Просто мечта. Забраться в кровать в своей тихой комнате было восхитительно, Бек не хотела разрушать это блаженство переживаниями. Кот Гектор прижался к ее ноге своим жарким телом, потягиваясь и нежно звеня колокольчиком.

Что-то сдвинулось. Это ее и разбудило. Скрип под переместившимся весом. В комнате кто-то был.

Бек была слишком напугана, чтобы открыть глаза. Она не хотела смотреть, что там. Было достаточно ощущать чье-то присутствие, чувствовать тяжесть в воздухе, которая означала, что другой человек дышит где-то рядом. Несмотря на теплое одеяло, по коже побежала холодная дрожь. Неужели опять?

Она прислушивалась. Проходили секунды. Ни звука. Может, это ночной кошмар.

Бек знала, что нужно открыть глаза. Просто чтобы проверить. Чтобы убедиться. Звук сгущался из самой тишины, настолько тихий, что был едва различим. Вибрирующее гудение кошачьего урчания. Очень медленно Бек открыла глаза.

Первое, что она заметила: Гектора больше не было на кровати. Она разглядела его грушевидную пушистую спину. Он сидел в углу, смотрел на что-то и урчал. Бек понимала, что может посмеяться над собой; это всего лишь кот. Но ее руки и ноги словно окоченели. Что-то было не так.

Когда ее глаза привыкли к темноте, она чуть не ахнула. В углу вырисовывалась тень, которой там быть не должно. Бек едва различала это черное пятно на темно-сером фоне. Сердце забилось в грудной клетке, когда пятно начало двигаться.

Оно очень медленно изгибалось. Растягивая конечности. Увеличиваясь до нечеловеческих размеров. Бек зажмурилась, в горле застыл крик. Она не хотела

смотреть, как будет выглядеть это нечто, когда выйдет из угла. Не хотела видеть его лицо.

Ледяной ужас сковал ее, пока она ждала, что тень дотронется до нее. Снова коснется ее щеки своей холодной рукой. В ожидании Бек затаила дыхание.

Скрипнула дверь.

Оно ушло? Бек хотела выдохнуть, но страх парализовал ее. Потом что-то тяжелое упало ей на колени. Она вывернулась и отползла прочь, но простыня обмоталась вокруг лодыжки, и Бек грохнулась на ковер. Боль пронзила руку от плеча, но Бек не обращала на это внимания и пыталась нащупать выключатель ночника.

На мгновение свет ослепил ее. А потом она увидела его. Кота, Гектора. Он сидел посредине матраса и смотрел на нее из-под полуприкрытых век. Она подхватила его, ругаясь, и он издал дикий вопль. В тишине кошачий крик прозвучал особенно пронзительно. Она прижала к себе кота, биение его крошечного сердечка успокоило ее настолько, что она смогла подняться и снова закрыть дверь спальни. Ручку она подперла стулом.

Здесь кто-то был; не только кот. Она была уверена в этом. Ее ладони все еще были мокрыми, руки дрожали, адреналин гнал кровь по венам.

Бек схватила телефон; ей нужно с кем-нибудь поговорить. Рассказать кому-то, что с ней только что случилось, чтобы не сойти с ума. Возможно, в прошлый раз это был ночной кошмар, но сегодня все абсолютно реально. Сейчас только полчетвертого утра. Лиззи взбесится, если ее разбудить.

На секунду она взглянула на себя со стороны. Лиззи, наверное, посмеется над ней – боится привидений, как маленькая. Позорище. Вместо этого она написала эсэмэс: «У меня в комнате кто-то был. Мне кажется, в дом забрались». Затем положила сотовый обратно на тумбочку.

Потянулась, чтобы выключить свет, и заметила, что серебряный колокольчик исчез с ошейника Гектора. Привидение не могло этого сделать.

Может, колокольчика и раньше не было, подумала она и свернулась клубком под одеялом.

Она долго не могла заснуть. Когда же наконец отключилась, сны ее были лихорадочными и беспокойными. Она проснулась от испуга, вся в поту. Взглянула на телефон – оказалось, уже четверть двенадцатого. Три пропущенных звонка от Лиззи и два сообщения. Первое: «ха-ха как страшно». Потом, после пропущенных звонков: «Ты в порядке?» Бек написала в ответ: «Да. Все еще собираешься в город? Я тебе все расскажу».

В утреннем свете ее комната выглядела иначе. Мирной и такой родной. Лица Джонни Деппа и Гвен Стефани, фотографии ее и друзей, позирующие Destiny’s Child. Створки стенного шкафа, книжная полка над кроватью; все было таким знакомым. Вчерашний страх казался именно этим: ночным кошмаром. А не чем-то, что могло реально случиться в ее спальне. Но, закрыв глаза, Бек снова видела ту темную тень, неестественно изгибающуюся в углу. Это было реальным воспоминанием, таким же ясным, как подметание полов на работе или путь домой от автобусной остановки.

Ее сотовый зажужжал, это Лиззи: «В час, у Серебряной Подушки». Бек поднялась с постели и оглядела в зеркале свое плечо. После ночного падения с кровати на нем проявился светло-серый синяк. Проклятый кот.

Она подумала, что дом тоже может выглядеть по-другому. Словно вчерашнее вторжение должно было оставить какой-то след. Но нет, когда она открыла дверь своей спальни, все было как всегда. Кремовый ковер так же мягко щекотал ее ступни, когда она неслышным шагом прошлась по коридору.

Заглянув в комнату Пола и Энди, она чуть было не рассмеялась. Здесь точно все по-прежнему: одежда и детали «Лето» разбросаны по полу, простыни на кроватях смяты и свалены в кучу. Она помнила, какой скандал они устроили, когда мама предложила одному из них перебраться в свободную комнату. Бек закрыла дверь в их спальню. Грязные потные носки начинали вонять. По запаху уже угадывалось скорое наступление половой зрелости.

Белые деревянные перила были такими же гладкими и теплыми под ее ладонью, как всегда. Натертые до блеска половицы поскрипывали под босыми ногами,

когда она шла по первому этажу. Из кухни доносилось хихиканье; значит, мальчики дома. Она проверила родительскую спальню: педантично заправленная одинокая двуспальная кровать в центре безупречно пустого пространства. В соседней комнате хранятся пластиковые коробки с зимней одеждой. Мамин письменный стол сдвинут в угол за ненадобностью. Бек заглянула в постирочную. За корзинами с бельем – дверь, ведущая в гараж. Она приоткрыта. Гараж был самым мерзким местом в доме Бек, и туда старались не входить, если этого можно было избежать. Темное сырое помещение с бетонным полом, заваленное картонными коробками. Туда даже машину больше не ставили. Бек была уверена, что гараж кишит пауками. Мрак и уныние словно просачивались через приоткрытую дверь, мгла пыталась снова завладеть Бек и вернуть ее в ночной кошмар. Она захлопнула дверь.

В гостиной тоже ничего не изменилось. Кресла стояли на неуклюжем расстоянии друг от друга, а специальные деревянные ставни прикрывали телевизионный экран, чтобы родители могли притвориться, что у них нет телевизора. Успокоенная, она вошла в кухню. Что бы это ни было, оно определенно исчезло.

Пол и Эндрю сидели рядом за круглым кухонным столом, между ними стояла коробка с сухим завтраком, а в мисках было налито молоко, уже коричневое от шоколадных хлопьев. Оба смеялись как сумасшедшие – все еще в пижамных шортах, темно-рыжие волосы торчали в разные стороны под самыми необычными углами. Бек почувствовала неожиданный прилив нежности к братьям. Ей хотелось потрепать их по голове, но она знала, что парни сочтут это покровительственным жестом.

– Готов? – спросил Пол.

– Ага, – ответил Эндрю.

Они схватили миски с шоколадным молоком.

– Раз… два… три!

Оба начали жадно глотать молоко из мисок; кадыки заходили ходуном, коричневые капли западали на стол.

– Первый! – закричал Пол, опуская свою миску на стол и вытирая рот тыльной стороной ладони.

– Вот дерьмо! – вскрикнул Эндрю, из его рта слово прозвучало неестественно. Они быстро взглянули на Бек, чтобы проверить, не влетит ли ему за это, но потом не смогли удержаться от смеха.

– Парни, это отвратительно! – сказала Бек, но тоже заулыбалась. Ужас прошлой ночи постепенно стирался. – Ты похож на Гитлера! – обратилась она к Полу, у которого над верхней губой темнели шоколадные усики.

– Гуутэ моргэн! – выкрикнул он, и Эндрю снова залился смехом.

Бек покачала головой и насыпала себе мюсли без сахара.

– Что ты сегодня будешь делать, Бекки? – спросил Эндрю.

– Я собираюсь встретиться с Лиззи в городе.

– А нам с тобой можно? – тут же спросил Пол.

Две пары одинаковых светло-голубых глаз уставились на нее. Она понимала, что им очень скучно. Они уже два месяца на летних каникулах, но им запрещено уходить дальше местных магазинчиков. Их гиперопекающая мать думала, что их район единственное безопасное место в мире. Ради бога, это же Канберра. Она не понимала, почему им просто не сходить куда-нибудь погулять. Бек, конечно, не выдала бы их, но предлагать сама не хотела. Почему-то это казалось неправильным.

– Пожалуйста? – попросил Пол.

Бек чувствовала себя виноватой, но ей и правда нужно было поговорить с Лиззи о том, что случилось прошлой ночью, а это не получится, если младшие братья будут бегать рядом. Кроме того, они с Лиззи должны сделать еще кое-что, невозможное в их присутствии.

– Извините, ребята, – сказала она. – В следующий раз.

– Завтра?

– Ну, завтра я работаю, как насчет воскресенья?

– О’кей, – согласился Эндрю.

Но она видела, что оба расстроены; их улыбки исчезли. Бек ненавидела расстраивать братьев. В такие моменты у нее внутри все переворачивалось, и чувствовала она себя прескверно.

– Если хотите, можем пойти в бассейн?

– И ты не выдашь нас, если мы будем брызгаться?

– Нет. Вот тебе крест, – заверила она и перекрестила грудь.

Братья переглянулись, а потом повернулись к ней, широко улыбаясь.

– Класс, – сказал Пол. Не удержавшись, Бек потрепала обоих по голове – на что братья недовольно застонали, – и пошла наверх одеваться.

Лиззи ждала ее на скамейке у Гарема-Плейс, в нескольких шагах от Серебряной Подушки. В Канберре много странных скульптур, но эта почему-то особенно нравилась Бек. Она напоминала огромную, наполовину заполненную сумку для вина, прислоненную к черным ступеням. Летом солнце отражалось от металлической серебряной поверхности, так что на нее было больно смотреть и наверняка прикасаться. Бек плюхнулась на скамейку рядом с Лиззи.

– Почему ты здесь? – спросила она.

– Эмо, – ответила Лиззи, и Бек посмотрела в сторону. Четыре подростка в черно-красных полосатых носках, с плохо подведенными глазами и небрежными прическами сидели вокруг Серебряной Подушки. – Опасаюсь, что это заразно, – сказала Лиззи и содрогнулась.

Бек знала, что она не шутит; больше всего на свете Лиззи ненавидела плохую одежду. Вот почему они отлично поладили и стали лучшими подругами; каждая была идеальным аксессуаром другой. Сегодня обе надели летние платья и коричневые сандалии; им не нужно было созваниваться и договариваться. Они находились на одной волне, не прилагая никаких усилий. Не только в одежде, а во всем. Словно сделаны из одного теста или у них общее сердце.

Если бы она не отправила Лиззи сообщение, то уже не стала бы рассказывать ей о том, что случилось ночью. Они так чудесно сидели: две беззаботные симпатичные девушки-подростки, готовые ко всему, что бы им ни предложило бесконечное лето. Тень в ее комнате просто не вписывалась сюда.

– Так что произошло? – спросила Лиззи, и идиллическая картинка дрогнула и погасла.

– Прогуляемся и поболтаем?

– А твои братья могли тебя разыграть? – спросила Лиззи, после того как Бек кратко объяснила, что произошло.

– Нет, исключено. Они описались бы от смеха, сумей так напугать меня. Плюс это было что-то нечеловеческое.

– То есть вроде полтергейста?

– Это как тень. Не призрак или привидение, а что-то дьявольское и мощное, потустороннее.

– Вау, – отреагировала Лиззи, не глядя на нее, – как ужасно.

Она беспокоилась, что Лиззи посмеется над ней и обзовет сумасшедшей, но та, похоже, была искренне шокирована не меньше самой Бек.

– Это действительно было ужасно.

– Думаешь, это повторится? Может, тебе лучше остаться сегодня у меня?

– Может быть. А, я даже думать об этом больше не хочу.

– Я знаю, что поможет тебе развеяться. – Бек заметила блеск в глазах Лиззи.

– Я уже боялась, что ты не предложишь!

Они дурачились, поднимаясь по последним ступеням эскалатора. Перед ними сиял белый фасад универмага. Войдя в магазин, они резко оборвали смех.

Самое важное во время воровства – это сохранять спокойную уверенность. Бек давно этому научилась. Как только ты начинаешь хитро смотреть или слишком громко смеяться, охранник принимается следить за тобой, и твой шанс на сегодня упущен.

Второе важное правило – выбрать что-то с подкладкой. Бек просматривала вешалки в отделе для подростков. Стараясь найти дорогую марку, которую знает ее мать. Scanlan & Theodore — идеально. Она так наловчилась, что делала это почти бессознательно. Она накинула лямки от платья на соседние плечики. Теперь казалось, что на плечиках одно платье, а на самом деле их там висело два. В примерочную кабину можно брать не больше шести вещей. Она быстро взяла еще пять объемных платьев. Тонкая шелковая материя была практически незаметна среди толстых вязаных узоров и оборок других платьев. Измотанная девушка у примерочных не глядя пересчитала ее плечики, всучила кусок красного пластика с цифрой шесть и проводила в кабинку.

Бек натянула шелковую вещицу через голову и посмотрела в зеркало. Она и так взяла бы это платье, но приятно, что оно подошло по размеру. Цвет морской волны хорошо смотрелся на ее светлой коже, ткань красивыми складками ложилась вокруг ног. Нужно будет найти особый повод, чтобы надеть его для Люка. Она сняла платье и, вытащив из сумочки маникюрные ножницы, принялась аккуратно обрезать подкладку вокруг пластиковой противокражной бирки. Когда та отошла, Бек сунула ее в карман одной из юбок, свернула шелковое платье и положила его в свою сумочку. Она зашла с шестью вещами и вышла тоже с шестью.

– Извините, не подошло, – сказала Бек продавщице, которой, по всей видимости, было все равно.

– Нашла что-нибудь? – спросила она Лиззи, которая ждала ее.

– Не. Пойдем.

Воздух снаружи казался еще горячее после кондиционера в универмаге. К тому же было ветрено, пыль и сухие листья бились о голые лодыжки Бек и Лиззи, пока они шли. Уровень адреналина в крови Бек резко упал, и на его место пришла усталость.

– Что ты стащила? – спросила она Лиззи.

– Два платья Marc. Потом покажу тебе. Я собиралась взять только одно, но поняла, что девушка ничего не заметит, даже если я выйду с пустыми плечиками. А ты?

– Scanlan & Theodore. Только одно, но стоит около трехсот.

– Неплохо!

Бек начинала потеть. Она чувствовала, как соль собирается на верхней губе. Провела ладонью по затылку; шея была влажная и липкая от пота, отвратительно.

– Может, пойдем в Gus’s? — предложила Лиззи.

В этом кафе всегда прохладно и немного сумеречно и завтраки подают весь день.

– Хорошая идея.

Даже если придется потратить немного денег на еду, это стоило того, чтобы не идти домой.

Тут она встала как вкопанная. Деньги. Как она не подумала об этом раньше? Бек была уверена: что бы то ни было в ее комнате, это не человек. А если все-таки человек? Вдруг объяснение самое банальное: вор?

– Наверное, я пойду домой. Совсем выбилась из сил.

Лиззи остановилась и с неподдельным беспокойством взглянула на нее.

– С тобой точно все в порядке? – спросила она.

– Ага, – протянула Бек, хотя не была уверена.

Лиззи быстро и крепко обняла ее. Для более долгого объятия было слишком жарко.

– Позвони мне, если передумаешь и захочешь переночевать у меня, о’кей?

– Хорошо, спасибо, – ответила Бек.

Бек сидела в своем автобусе, паника нарастала. Поездка длилась целую вечность, автобус останавливался каждые несколько кварталов, чтобы впустить новых пассажиров. Кондиционеры можно было и не включать; каждый раз, когда двери раскрывались, в салон задувало горячий воздух. А вместе с ним проникал и легкий, но едкий запах чего-то горелого; лесные пожары. Бек поморщила нос. Она забеспокоилась уже, когда в первый раз увидела статью об этом в «Канберра тайме». Черно-белая фотография бушующего огня на четвертой странице. Обычно она не читала газет, но эту статью изучила. Казалось, никто не воспринимал опасность всерьез, или просто все были заняты другими проблемами. Рядом со статьей красовалось объявление на всю страницу: «Увидели подозрительный предмет – сообщите» – большим жирным шрифтом. Бек знала об этом все. Если она позвонит по указанному ниже номеру, то с вероятностью 1 к 10 попадет на свою маму. Это новая вездесущая антитеррористическая кампания. Она присутствует не только в газетах, но и на билбордах, и на телевидении. А что еще хуже, ее мама возвращается с работы домой и во всех подробностях рассказывает бесконечные истории о людях, которые следят за соседями. Бек понятия не имела о политике или подобных

вещах. Но все равно ей казалось странным, что людей больше волнует новая машина соседа, чем пожар, который подобрался так близко, что ты чувствуешь запах горелого.

Бек даже не поблагодарила водителя, когда вышла из автобуса. Сразу поспешила вверх по улице к своему дому. Одолев половину пути, она припустила бегом, не заботясь о том, что волосы растреплются или макияж потечет. Обжигающий горячий ветер дул ей в лицо, щипал глаза, но она не обращала внимания. Сейчас важнее всего – узнать, на месте ли деньги. Она бежала, не останавливаясь, до самого крыльца, достала ключи, захлопнула за собой дверь.

– Это была просто шутка! – хныкал Эндрю на кухне.

– Не смешно. – Бек в нерешительности замерла перед лестницей. Отец был очень рассержен.

– Не будь слишком строг с ними, – спокойным голосом сказала мама. – Это же просто дети. Они не понимают.

– Ты слишком мягкая, – тихо ответил он.

Она не хотела это слушать; побежала вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступени.

– Бек? – окликнула ее снизу мама.

Она не ответила, распахнула дверь в свою комнату и схватила говорящую капустную куклу с крышки комода. Задрав ей платье, расстегнула липучку на спине – там, где должна находиться батарейка. Вместо аккумулятора в ячейку были засунуты желтые и оранжевые купюры по двадцать и пятьдесят долларов. Слава богу. Весь ее заработок за прошлый год. Почти шесть тысяч долларов, плотно скрученные и вложенные внутрь куклы. Бек услышала мамины неторопливые уверенные шаги по лестнице. Аккуратно посадила куклу на место и вытащила платье из сумки, приложила его к себе и сделала вид, что смотрится в зеркало.

– У тебя все в порядке? Почему ты носишься туда-сюда? – спросила мама, оглядывая платье.

– Хотела еще раз примерить его, – ответила она, улыбаясь. – А что там происходит?

Мама посмотрела на свои ладони.

– По-видимому, Пол и Эндрю проникли в соседский дом. Макс сказал, что поймал их, они сидели у него под кроватью и шептали.

– Шептали?

– Притворялись голосами в его голове. – Ее мама вздохнула. – Они слишком малы, чтобы понять. Они думают, что это шутка. Говорят, что ничего страшного, потому что он сумасшедший.

– Ну, Макс ведь сумасшедший, разве нет? – спросила Бек, по-прежнему глядя на платье в зеркале. Она хотела заметить, что, если бы мама позволяла мальчикам выходить в город, они вряд ли стали бы заниматься подобными вещами.

– Нет, он болен. У него шизофрения.

Бек была уверена, что шизофрения и есть сумасшествие, но больше не хотела это обсуждать. Мама перевела взгляд на платье:

– О, Бек, оно выглядит очень дорого.

– Это Scanlan & Theodore, и тебе лучше не знать, сколько оно стоит, – ответила Бек, закатывая глаза.

Мама сложила руки на груди.

– Ты так много работаешь, а потом швыряешься чеками, как только получаешь деньги. Могла бы подкопить на что-то особенное.

– Это и есть что-то особенное! – Бек притворилась обиженной, но в душе испытывала самодовольство. Игра становилась слишком легкой.

– В конце концов, это твои деньги. Но не носись по дому. У тебя будет тепловой удар, – сказала мама, выходя из комнаты и закрывая за собой дверь со слабым щелчком.

На секунду Бек почувствовала угрызения совести, когда еще раз посмотрела на себя в зеркало: ворованное платье, растрепанные волосы, блестящее лицо. Но потом заметила отражение капустной куклы и почувствовала ликование.

5

2014 год

На одно мгновение мне кажется, что я снова дома. Я скрещиваю под одеялом пальцы рук и надеюсь, что мачеха на занятиях по пилатесу для беременных и нам с папой за завтраком не придется слушать ее нытье и жалобы. Я открываю глаза, и комната словно опрокидывается на меня. Устаревшие тинейджерские постеры, фотографии на стене, капустная кукла, сидящая на прикроватной тумбочке. На меня наваливаются воспоминания о прошедшей неделе, побег из Перта, Сидней, вчерашняя больница. Я пытаюсь сглотнуть подступивший комок волнения. Будет сложно стать абсолютно другим человеком.

Я веду в уме подсчет. Мне удалось надуть родителей, но с Андополисом следует быть очень осторожной. Кажется, он не такой дурак, как мне сначала показалось, но я все равно смогу обвести его вокруг пальца, раз он чувствует такую вину за провальное расследование дела Ребекки. Меня больше беспокоят близнецы. Они заключили меня в свои теплые объятия, когда я накануне прервала их ужин, но в обоих чувствовалась какая-то нерешительность. Я никогда раньше не играла роль старшей сестры, поэтому не очень знаю, как это делать. Они оба симпатичные и успешные: один юрист, а другой еще учится на врача. Кроме того, у меня плохо получается их различать. Будь у меня близнец, я делала бы все возможное, чтобы выглядеть иначе. Но, похоже, это не случай Пола и Эндрю. Оба гладко выбриты, с коротко стриженными рыжими волосами и в идеально сидящих футболках. Будет лучше, если они скоро уедут.

Я поднимаюсь с кровати и открываю шкаф Ребекки. Мускусный запах уже не такой сильный, или я просто к нему привыкаю. Медленно изучаю содержимое, на глаз определяя размер каждой вещи. С удивлением натыкаюсь на несколько хороших марок. Раздвигая одежду, я замечаю розовое лоскутное одеяло и пару мягких игрушек, запихнутых в самую глубь шкафа. Я усмехаюсь. Она больше не желала выглядеть ребенком, но и выбросить их не захотела. На мгновение я представляю ее реальным человеком, а не фотографией на стенде с пропавшими людьми.

Я делаю выбор не в пользу дизайнерских вещей и достаю светлое хлопковое платье. Есть что-то очень невинное в его заниженной талии и неяркой ткани. Сегодня я встречаюсь с Андополисом и хочу максимально усилить образ, который сложился в его голове. Синяк на лице начинает желтеть. На него полагаться уже нельзя; нужно костюмированное представление.

Натягивая платье через голову, я нащупываю что-то твердое в кармане. Это сложенный листок бумаги, сверху написано крупным шрифтом «Заклинание экзорцизма». Ниже заголовок готическими буквами «Магия для современной ведьмы». Не могу представить, чтобы Бек увлекалась этой языческой чепухой. Ее комната выглядит такой стильной. Правда, подростки любят всякие секреты. Я сложила бумажку и сунула ее в шкаф к остальным спрятанным там вещам. Если ей удавалось скрывать это так долго, я не собираюсь ее выдавать.

Когда мне было шестнадцать, я прятала косяки в швах своих занавесок. Я тогда увлекалась хиппи. Познакомилась с группой ребят постарше, с дредами и в ярких футболках, которые давали уличные представления рядом с железнодорожной станцией. На целый месяц мне удалось убедить их, что я живу в коммуне рядом с Фримантлом, где никому не разрешается носить одежду. Это было еще до того, как я просекла их искусную ложь. Каким-то образом один из них выяснил, кто мой отец. Они называли его «нефтяным магнатом» и не любили, когда я смеялась над этим. Хиппи якобы всегда говорят о любви и доброте, но не знаю, встречала ли я более язвительных людей в своей жизни. Я сжимаю края штор Бек. Ничего.

Когда выхожу из комнаты, я слышу, как за дверью бормочут мои братья. Я замираю в надежде что-нибудь уловить, но они резко обрывают разговор. Наверное, услышали мои шаги. Я решаю постучать, но не знаю, что им сказать.

Внизу в гостиной отец смотрит телевизор. Хотя не уверена, следит ли он за происходящим на экране или просто уставился перед собой. Во всяком случае, взгляд у него стеклянный. Как-то жутко. Он не поднимает на меня глаза, когда я вхожу, поэтому направляюсь дальше в кухню. Мама стоит у раковины и моет посуду.

– Доброе утро, – говорю я.

От неожиданности она вздрагивает.

– Прости, Бек. Я витала в своих мыслях. Будешь завтракать?

– Да, если можно.

– Конечно, – отвечает она, вытаскивая из раковины затычку и снимая резиновые перчатки. Вода с громким клокотанием уходит в трубу.

– Спасибо! Тебе помочь? – спрашиваю я, вспоминая, что собиралась играть исполнительную дочь.

– О нет, просто садись и расслабься. Когда заедет Винс?

– Точно не знаю. Она просто сказала, что утром.

Я наблюдаю, как она взбивает яйца с молоком и потом выливает смесь на сковороду. От запаха у меня текут слюнки. Теперь, когда знаю, что такое настоящий голод, я не уверена, что смогу относиться к еде как прежде.

– Я купила тебе телефон, – говорит она, кивая на новенький айфон на столе.

– Вау! – Я не могу сдержать удивление. – Спасибо большое!

Я включаю аппарат, и в груди растекается тепло – со мной так всегда бывает от вида новых вещей. Я пытаюсь сглотнуть это чувство – в погоне за ним я вляпалась во много неприятностей.

– На нем твой старый номер, – говорит она.

– Здорово. Как тебе это удалось?

– Было проще просто вносить абонентскую плату.

Я кладу телефон на стол. Ребекка была, скорее всего, мертва, но родители более десяти лет продолжали ежемесячно оплачивать ее телефон. Сейчас неловко радоваться этой игрушке. Все как-то грустно.

– Держи, милая, – говорит мама, ставя передо мной тарелку с дымящейся яичницей. – Не беспокойся, я не забыла про твой кофе.

Я улыбаюсь ей. Наверное, это и есть материнская любовь. Интересно, а моя мама тоже вот так заботилась и ухаживала за мной, как за сокровищем? Сомневаюсь. Думаю, тогда я лучше бы ее запомнила. Когда я думаю о ней, единственное, что приходит на ум, – фотография в рамке, которую отец держит на каминной полке. Если бы не снимок, я бы даже не помнила ее лицо. Я начинаю поедать яичницу. Идеально нежная, чуть подсоленная.

– Спасибо, мам, – говорю я, глотая.

Я не замечаю, как кружка выскальзывает у нее из руки, слышу только грохот, когда она разбивается о пол.

– Бля… ты в порядке? – вырывается у меня. Я тут же пожалела, что матернулась, но мама, похоже, ничего не заметила. Она опустилась на кафельный пол и неистово вытирает дымящийся черный кофе. Вокруг нее разбросаны осколки кружки. Я поднимаюсь, чтобы помочь ей.

– Прости! – шепчет она, поднимая на меня глаза.

– Ничего страшного. Я помогу тебе.

– Не надо. Это моя вина. Я такая дура.

Я беру мусорный пластиковый пакет и опускаюсь на колени рядом, чтобы помочь ей собрать фарфоровые осколки.

– Прости, пожалуйста, Бек, – говорит она все еще приглушенным голосом.

– Все в порядке. Подумаешь!

– Ты ведь им не скажешь? – спрашивает она.

Она смотрит на меня, как испуганный ребенок. На тряпке, которой она вытирает пол, кроме коричневых кофейных пятен проступили красные.

– Ты порезалась? – спрашиваю я, хватая ее руку. Кожа между большим и указательным пальцами рассечена.

– Ничего. Это наказание за мою неуклюжесть.

– Я уберу здесь. Ты промой руку и наклей пластырь или что-нибудь на рану.

– О, Бекки. Ты была такой милой девочкой. Если бы я только уделяла тебе больше внимания. Мне так жаль.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бушленд – пространства, покрытые кустарником.

2

«Карлтон Дрот» – популярное в Австралии пиво.

3

«Капустные куклы», или «малыши с капустной грядки» (Cabbage Patch doll) – мягконабивные куклы с виниловой головой, появились в США в 1978 г.

4

Кингс-Кросс – квартал в Сиднее, известный как район красных фонарей с публичными домами, секс-шопами, стриптиз-клубами.

Купить: https://tellnovel.com/snokstra_anna/edinstvennaya-doch

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити